

Мартин Бубер. Два образа веры

17

Кризис нашего времени есть также и кризис обоих образов веры: эмуны и пистис.

Они отличаются друг от друга как по сути своей, так и по своему происхождению, и столь же различен их кризис.

По своей природе еврейская эмуна коренится в истории еврейского народа, христианская пистис - в истории индивидуальности.

Эмуна возникла в опыте жизни Израиля, в опыте, бывшем для него опытом веры. Малые, а затем большие группы людей, сперва в поисках свободных пастбищных угодий, затем в поисках земель для свободного поселения, странствовали как племена, ведомые Богом. Тот факт, что Израиль пережил свой путь в Ханаан, бывший его путем в историю, как водительство Бога (и так воспринимались события уже в эпоху "патриархов"), - пережил в чувственном восприятии как водительство через пустыню и опасности, - этот исторически неповторимый факт и есть рождение эмуны. Эмуна есть "постоянство" (можно также назвать ее и доверием в экзистенциальном смысле) отношения человека к незримому и все же дарующему себя видеть, сокрытому, но открывающему себя водительству. Но личная эмуна каждого человека погружена в эмуну еврейского народа и черпает свою силу из живой памяти поколений о великом водительстве начальных времен. В историческом процессе развития индивидуальности человека изменяется лишь форма, но не сущность этой погруженности личной эмуны в эмуну народа. И когда некий хасидский ребе видит перед собой на перепутье приближающуюся к нему Шехину - "обитание" Бога, - даже тогда в этом есть что-то от бывшего водительства. Впервые только в нашу эпоху все больше расстраивается связь между эмунной личности и эмунной народа. В поколениях евреев эпохи эмансипации народ веры все больше распадается на религиозную общину и нацию, связанные друг с другом уже не органично, но только структурно. В секулярной нации у эмуны нет больше опоры в душе человека, а у изолированной от жизни народа религии нет жизненной силы. Поэтому здесь личной вере грозит опасность в час помрачения утратить свободу и проникнуться вместо нее элементами пистис, отчасти логического, отчасти мистического характера. Но кризис народа веры выходит и за эти пределы, ибо ведь замысел этого водительства Бога, провозглашенный в начале откровения (Исх. 19:6), состоял в том, чтобы Израиль стал "царством прямых слугителей Бога (что и означает здесь слово "коганим", обычно переводимое как "священники") и народом святым" (освященным Богом как его Господом). Если народ веры расщепляется на религиозную общину и нацию, то отвергается и этот замысел. В такой ситуации могло бы помочь только лишь еще одно великое обновление народной веры. В этом обновлении извечная внутренняя диалектика Израиля между теми, кто решает вручить себя водительству, и теми, кто решается идти, должна разрешиться в самих душах, чтобы задача стать святым народом могла быть поставлена в новой ситуации и обрести сообразную ей новую форму. Отдельные люди, возрожденные в кризисе веры и удерживаемые в эмуне,

исполнили бы эту функцию, когда потребуется нести живую субстанцию веры чрез тьму и мрак.

Христианская пистис родилась за пределами исторического опыта народов, так сказать при выходе из истории, в душах отдельных людей, куда проник призыв верить в то, что человек, распятый в Иерусалиме, есть их Спаситель. Хотя эта вера по своей сути могла возвыситься и возвысилась до благочестия полной самоотдачи, до мистики пребывания в единстве с Тем, в Кого веруют, - она покоится на основании, которое, невзирая на его "иррациональность", следует называть логическим или ноэтическим. Эта вера покоится на принятии-за-истину и признании-в-качестве-истинного некоего утверждения, возвещаемого о предмете веры. Вся сердечная глубина или восторженность чувства, вся преданность жизни выросли из принятия этого призыва и из исповедания, свершившегося как в глубине души, так и в слове, открытом в мир: "Я верю, что это так". Этот (по своему происхождению чисто греческий) акт веры, пылкое признание реальности бытия, находящейся по ту сторону обычного круга представлений, - акт, имевший все же поэтическую форму, совершался тогда (в отличие от большей части позднейшей истории обращения в христианство) как действие личности, отграничивающей себя тем самым от своего народа, и требование веры было требованием именно такого действия. Конечно, Иисус тоже обращается к отдельным личностям или, если он говорит со множеством, - к отдельным личностям в этом множестве. Но нужно услышать, как он (Мф. 15:24) говорит о "погибших овцах дома Израилева"(127) : даже их он видит еще в устроении "дома".

После Иисуса ничего подобного этому больше не услышать. Павел часто говорит о евреях и эллинах, но никогда не упоминает о специфике их народной жизни. Для него важно лишь вновь основанное сообщество, которое по сути своей вовсе не народ. Идея "святого народа" полностью стирается, она не входит в самосознание христианства; вскоре на ее место приходит идея церкви как отныне единственно истинного "народа Божьего". Вследствие всего этого даже при массовых крещениях на Западе, которые как феноменально, так и душевно далеко отошли от индивидуального акта эллинистической пистис, "христианскими" (то есть подчинившимися Христу) становились не народы, а каждый человек поодиночке. "Народом Божьим" назывался весь христианский мир, который по самой сути своей отличался от отдельных народов. А сами эти народы продолжали жить попрежнему, согласно собственной природе и собственным законам. Так что верующие во Христа существовали одновременно в двух сферах: как индивидуальности в личной сфере и как участники жизни своих народов в публичной сфере. Такое состояние сохранялось и удерживалось от кризиса до тех пор, пока сфера личности была способна противостоять диктату публичной сферы. Кризис назревает в нашу эпоху по мере того, как сфера личности пронизывается и определяется этим диктатом. Спасительное благо христианства, самостоянье спасенной души, оказалось в опасности. Сто лет назад Кьеркегор указал на это со всей жестокостью и ясностью. Однако он не выявил в достаточной мере причины болезни и не определил ее очаг. Суть дела здесь в разладе между освящением отдельного человека и несвятостью его сообщества, с которой человек готов примириться. Этот разлад с необходимостью переносится и во внутреннюю диалектику человеческой души. Возникающая здесь проблема заставляет вспомнить об исконной задаче Израиля -

и о его проблематичной природе.

Но сверх того нам дается почувствовать, что и здесь из строгого паулинизма ведет путь к другой форме пистис, которая оказывается ближе к эмуне. По образу своему вера еврейства и вера христианства сущностно различны - в соответствии с их человеческими корнями. И наверняка они останутся сущностно различными, покуда род человеческий не соберется из изгнания "религий" в Царство Бога. Но будущий Израиль, стремящийся к обновлению своей веры посредством возрождения личности, и новый христианский мир, стремящийся к обновлению своей веры посредством возрождения народов, должны были бы сказать друг другу невысказанное и оказать друг другу помощь - едва ли представимую сегодня.

127 Это выражение следует относить к животным, потерявшим пастбище (согласно Иер 50:6; Иез. 34:4, 16; Пс 118:176).